

Н. Ю. СУХОВА

ФОНД МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (№ 229) В ЦЕНТРАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ МОСКВЫ

Архив Московской духовной академии, наряду с архивами многих учреждений, действовавших еще до революции, имеет непростую историю, тесно связанную с коллизиями русской истории в целом. Формирование архива МДА продолжалось на протяжении всех 105 лет пребывания Академии в Троице-Сергиевой Лавре, начиная с открытия Академии 1 октября 1814 г. по правилам первого единого Устава духовных академий¹ и кончая ее переездом в Москву летом 1919 г. под давлением экстремальных условий гражданской войны. Уже в первые годы деятельности Академии было составлено предписание «о порядке хранения документов»². По мере накопления документы формировались в дела, которые хранились в библиотеке МДА. При вступлении в должность каждый новый ректор Академии проверял наличие и порядок документов, как текущих, так и архивных, по всем областям академической деятельности. И в процессе деятельности дореволюционной МДА возникали проблемы с сохранностью академических архивных дел. Так, например, в 1836 г. при вступлении в должность ректора архимандрита Филарета (Гумилевского) выявилась пропажа некоторых дел академического архива, произошедшая в правление предыдущего ректора архимандрита Поликарпа (Гойтанникова). Новому ректору пришлось составлять специальные реестры дел полных, неполных и вовсе отсутствующих, а потом пытаться восполнить недостающие документы копиями³. И в дальнейшем неоднократно проводились ревизи-

¹ См.: Проект Устава ДУ 1814. С. 910–954.

² ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 78. Л. 1–2.

³ См.: Смирнов 1879. С. 249–252.

зии академического архива и акции по его восполнению⁴. Все это свидетельствует о том, что Академия дорожила своим прошлым, отчасти зафиксированным в архивных документах.

Однако дальнейшая судьба архива МДА складывалась весьма драматично. 1 июля 1919 г. библиотека МДА перешла в ведение Библиотечного отдела Наркомпроса⁵, а 17 октября того же года коллегия Отдела научных библиотек приняла решение «библиотеку б. [бывшей. — Н. С.] Духовной академии оставить на месте, влить в нее научную часть библиотеки б. [бывшей. — Н. С.] Вифанской Семинарии и предоставить в ведение Румянцевского музея в качестве филиала»⁶. С декабря 1919 г. по июнь 1924 г. в Сергиевский филиал Румянцевского музея (в 1924 г. переименованного в Российскую публичную библиотеку им. В. И. Ленина) собирались постепенно части архива МДА, хранившиеся в доме ректора, а также присоединялись собственные книги и личные архивы выехавших из Посада профессоров Академии: протоиерея А. П. Орлова, А. Д. Беляева, архимандрита Илариона (Троицкого), А. К. Мишина, И. В. Попова, Ф. М. Россейкина, игумена Иоасафа, Н. Л. Туницкого⁷. В 1930–1931 гг. архив МДА с присоединенными архивами профессоров, а также с рукописями Лаврского собрания, Академического собрания и библиотеки Вифанской Семинарии был перевезен в Москву⁸. При этом произошло раздробление архивного комплекса на две части: одна из них оказалась в ведении Централь-

⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 382. Л. 1–4; Оп. 3. Д. 274. Л. 1–4; Д. 985.

⁵ Согласно декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», все архивные фонды стали национальным достоянием и поступили в Единый государственный архивный фонд; а согласно декрету от 17 июля 1918 г. «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» все библиотеки были переданы в ведение Отдела библиотек РСФСР при Народном комиссариате просвещения (см.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 383–385; Т. 3. М., 1964. С. 41–42). Во исполнение этих декретов и библиотека МДА, и хранящийся в ней архив поступили в ведение Отдела библиотек РСФСР при Народном комиссариате просвещения.

⁶ Архив РГБ. Оп. 14. Д. 8. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 24, 25, 29, 41, 42, 44, 62, 63, 74.

⁸ Там же. 1926 г. Д. 10. Л. 95; 1928 г. Д. 10. Л. 21–21 об.; 22; 42–47; 49; 71; 1929–1930 гг. Д. 10/1. Л. 31–39; Д. 10/2. Л. 2–3; Оп. 23. Д. 34. Л. 22.

ного архивного управления, другая же из Загорского филиала была перевезена в основное здание Публичной библиотеки. Первая часть составила основу нынешнего фонда 229 в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ), вторая после десятилетнего хранения в помещении церкви святителя Николая в Старом Ваганькове во дворе библиотеки была разобрана и составила основу фонда 172 в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)⁹.

1. СТРУКТУРА 229-ГО ФОНДА

Фонд 229 Центрального исторического архива г. Москвы по последней официальной проверке 2001–2009 гг. состоит из 9934 дел, внесенных в 5 описей. Описи сильно разнятся по количеству зафиксированных дел: в оп. № 1 числится всего 6 дел; в оп. № 2 — 2462 дела; в оп. № 3 — 1016 дел; в оп. № 4 — 5707 дел; в оп. № 5 — 743 дела. Документы фонда относятся к деятельности МДА в период пребывания в Троице-Сергиевой Лавре (1814–1919). Однако хронологические рамки фонда шире: он включает отдельные документы, относящиеся к предшествующему периоду Московской академии до преобразования и переезда в Лавру (1802–1811), а также к последним годам деятельности Академии в Москве (1919–1921).

Распределение документов по описям тематическое; нумерация единиц хранения ведется отдельно в каждой описи. Основные документальные комплексы зафиксированы в описях № 2, 3, 4. В опись № 1 включено лишь шесть однотипных дел: книги прихода и расхода по содержанию дореформенной Московской Славяно-греко-латинской академии за 1802, 1804, 1805, 1806, 1810 и 1811 г. (Оп. 1. Д. 1–6). В опись № 5 отнесены так называемые «дела из россыпи», то есть дела за разные годы (1815–1917), по тем или иным причинам изъятые из основных комплексов и позднее, уже после их формирования, вновь включенные в состав фонда.

⁹ См об этом подробнее: *Сухова Н. Ю.* Из истории архива Московской духовной академии // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ 2001 г. М., 2001. С. 253–262.

Систематизация основных документальных комплексов фонда отражает структуру руководящих органов МДА. Для того, чтобы было понятно распределение дел между ними, следует сказать хотя бы несколько слов о самих этих органах. Отметим, что Устав православных духовных академий 1814 г., согласно которому МДА действовала с момента своего открытия в Троице-Сергиевой Лавре и до 1870 г., учреждал три руководящих органа духовной академии: Внутреннее Правление, Конференцию и Внешнее Правление. На Внутреннее Правление возлагались все учебно-воспитательные и организационные дела самой Академии. К ним относились все вопросы, связанные с обучением, поведением, жизнью студентов и преподавателей, библиотека, вспомогательные учебные кабинеты, больница и пр.¹⁰. Конференция должна была заниматься научными вопросами: проводить итоговые испытания, присуждать ученые степени, цензурировать научно-богословскую и духовно-нравственную литературу¹¹. Внешнее Правление отвечало за руководство духовными семинариями учебного округа, подчиненного Академии, а через семинарии — и духовными училищами. Руководство предусматривало широкий спектр учебно-методических и кадровых вопросов¹². Московской академии на протяжении 1818—1842 гг. подчинялись два духовно-учебных округа — Московский и Казанский, поэтому Внешнее Правление вело дела всех семинарий и училищ обоих округов. В ф. 229 выделены комплексы дел Внутреннего и Внешнего Правлений Академии (1814—1869) (Оп. № 2). Кроме того, часть документов Внутреннего и Внешнего Правлений попали в «дела из россыпи» и зафиксированы в оп. № 5. Следует отметить, что до 1837 г. в МДА действовало Общее Правление, занимающееся как внутриакадемическими вопросами, так и делами округа. Однако делопроизводство позволяет разделить большую часть дел и этих лет на внутренние и внешние. Сохранилось очень мало документов, относящихся к деятельности академической Конференции. Они даже не выделены в особый раздел, а рассеяны среди

¹⁰ См.: Проект Устава ДУ 1814. § 1—279. С. 914—937.

¹¹ См.: Там же. § 280—428. С. 938—949.

¹² См.: Там же. § 429—479. С. 949—954.

дел Внутреннего Правления (Оп. № 2), отдельные дела включены в оп. № 5 и одно дело — в оп. № 3.

В 1870 г. МДА была преобразована по Уставу духовных академий 1869 г. Согласно этому Уставу, в Академии учреждалось два руководящих органа: Совет Академии и Правление. Документы, связанные с деятельностью этих органов, сохранились и выделены в ф. 229 в отдельные комплексы (оп. № 3). Кроме того, в описи № 3 собраны также в особые комплексы учебные материалы: программы и темы сочинений (1874—1918), отзывы о магистерских, кандидатских и других сочинениях (1878—1903).

Наконец, в особую опись внесены документы, содержащие персональную информацию о студентах, преподавателях, сотрудниках и почетных членах МДА за весь период деятельности (1814—1921): личные дела и списки студентов по академическим курсам (Оп. № 4).

Особенностью фонда является его относительно слабая структурированность. Это касается, в первую очередь, документов МДА периода 1814—1869 гг. Все они отнесены к комплексу Внутреннего Правления. Однако вместе с делами собственно Внутреннего Правления в комплекс включены и уже упомянутые документы Конференции и подчиненного ей Цензурного комитета, Строительного комитета, библиотеки. Рассеяны по этому комплексу, среди других дел, конспекты и обзоры учебных и экзаменационных программ, журналы записи успеваемости и дисциплины студентов, переписка ректоров, а также многочисленные списки преподавателей. Из комплексов Совета и Правления (1870—1921) выделены, как было указано выше, некоторые специфические дела, относящиеся к учебному процессу: учебные программы (Оп. 3. Д. 395—412), темы кандидатских и семестровых сочинений (Оп. 3. Д. 413—432), отзывы на диссертации (Оп. 3. Д. 433—500). Однако тем не менее в общем комплексе дел Совета оставлены издательские дела и переписка ректоров, дела академической библиотеки (Оп. 3. Д. 12, 24, 34, 57, 74, 88 и др.), классные журналы (Оп. 3. Д. 35—43, 59—65, 75—78, 91—92 и др.)

2. ДОКУМЕНТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРАВЛЕНИЯ: АКАДЕМИЯ И ВЫСШИЕ ИНСТАНЦИИ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Представление о многообразной деятельности МДА до реформы 1869 г. дает комплекс документов Внутреннего Правления за 1814–1869 гг. (Оп. 2. Д. 1–1262 б; Оп. 5. Д. 133, 149, 157, 495, 500–502, 504–517, 624, 723, 725–733). В Правление ежегодно поступали все предписания центрального органа духовно-учебного управления: до 1839 г. — *Комиссии духовных училищ* (КДУ), после 1839 г. — *Духовно-учебного управления* (ДУУ). На связь Академии с этими органами следует обратить внимание. Все проблемы, связанные с эпохой КДУ — а МДА находилась под ее управлением двадцать пять лет (1814–1839 гг.), — конечно, нельзя выявить по архивным делам конкретной Академии¹³. Однако поступающие в Академию предписания КДУ свидетельствуют о широкой палитре дел, которыми занимался этот орган. КДУ руководила «ключевыми моментами» подготовки духовно-учебных кадров в академиях: отдавала распоряжение о проведении публичных испытаний студентов после окончания академического курса (Оп. 2. Д. 46, 99, 112 и далее); утверждала магистров в присужденных им степенях (Оп. 2. Д. 137, 142 и далее) и высылала печатные экземпляры дипломов, а для магистров, поступивших в духовное звание, высылала Правлению Академии магистерские кресты (Оп. 2. Д. 47, 58, 68, 114, 133, 142, 212, 289 и далее), назначала оклады магистрам и кандидатам духовного звания после утверждения их в степени (Оп. 2. Д. 38, 69, 134, 184, 236 и далее). При этом с некоторыми магистерскими сочинениями была связана переписка между КДУ и академическим Правлением «об исправлениях и дополнениях рукописей». Так, переписка об исправлении сочинений выпускников МДА 1820 г. Андрея Овсова и Петра Пятницкого (в монашестве Евлампия), предназначенных ака-

¹³ О деятельности центральных органов духовно-учебного управления при Святейшем Синоде (Комиссия духовных училищ, Духовно-учебное управление, Учебный комитет) см.: *Сухова Н. Ю.* История центральных органов управления духовно-учебными заведениями в России 1807–1918 гг. // Вестник архивиста. 2001. № 6 (66). С. 264–302.

демической Конференцией к степени магистра, велась около двух лет, до 1822 г. (Оп. 2. Д. 149).

КДУ занималась и распределением подготовленных кадров по духовно-учебным местам: назначала магистров и кандидатов Академии на вакантные должности в семинарии и училища (Оп. 2. Д. 96, 109, 171 и далее) и отдавала указание о выдаче им денег на проезд к месту службы и «обзаведение» (Оп. 2. Д. 51 и далее). Иногда КДУ призывала выпускников Академии на экстраординарные служения: например, в Пекинскую миссию (Оп. 2. Д. 301). При этом КДУ заботилась об улучшении учебного процесса, предписывая, например, академиям усилить внимание к преподаванию богословия (Оп. 2. Д. 472. 1837 г.). Такие указания свидетельствовали о начале централизованной кампании по совершенствованию высшего духовного образования. Так, в 1837 г. при СПбДА был учрежден комитет по пересмотру конспектов богословских дисциплин, преподаваемых в академиях¹⁴. Раз в два года, при академических выпусках, КДУ назначала в Академии ревизию (Оп. 2. Д. 132 и далее).

КДУ заботилась о пополнении библиотек духовно-учебных заведений: отдавала указание о доставке обязательного экземпляра всех книг, дозволенных духовной цензурой и напечатанных в духовных типографиях, в библиотеку Академии (Оп. 2. Д. 15, 116 и далее), о рассылке по всем духовно-учебным заведениям новоизданных книг и учебных пособий (Оп. 2. Д. 202, 203 и далее).

На КДУ был возложен и сбор информации о начальствующих, учащих, служащих в Академии и членах их семей, предписывая академическому Правлению составлять различные списки: профессоров, бакалавров и служащих Академии (Оп. 2. Д. 70 и далее); служащих в Академии и подведомственных ей семинариях (Оп. 2. Д. 373 и далее), даже «детей счетчиков, присяжных, сторожей и служащих Академии для представления их воинскому начальству» (Оп. 2. Д. 50). Кадровые перемещения и назначения также осуществлялись по предписаниям КДУ (Оп. 2. Д. 467 и далее).

¹⁴ См.: Извлечение из отчета Обер-прокурора Святейшего Синода за 1837 год. СПб., 1838. С. 58–59; То же за 1838 г. С. 40–53. См. также: *Титлинов 1909*. С. 7.

КДУ решала также хозяйственно-экономические вопросы, связанные с деятельностью академий. Ежегодно Комиссия ассигновывала суммы на содержание Академии — поступали эти суммы в академическое Правление (Оп. 2. Д. 1, 3, 8, 20, 35, 63, 92 и далее).

В 1839 г. управление духовно-учебной системой было изменено. КДУ была упразднена, «высшее заведывание духовно-учебной частью» сосредоточено в Святейшем Синоде как «едином главном духовном правительстве Империи». «Надзор за повсеместным исполнением существующих по сей части законов» был вверен обер-прокурору Синода с учреждением при Синоде особого управления, которое «несло бы на себе ответственность исполнительную по духовно-учебным делам», а именно *Духовно-учебного управления (ДУУ)*¹⁵. Это преобразование заметно отражается в документах МДА, причем именно документы конкретной Академии помогают понять реальное разделение функций в управлении духовно-учебной системой между Синодом, обер-прокурором и ДУУ. ДУУ поручало Московскому митрополиту — святителю Филарету — провести проверку Академии (Оп. 2. Д. 537 и далее), а преподавателям Академии — ревизию семинарий Московского округа (Оп. 2. Д. 598, 982 и далее). ДУУ заботилось об обеспечении учебными программами и конспектами духовных семинарий и самой Академии, поручая составлять их преподавателям Академии и литографировать рукописи в нужном количестве (Оп. 2. Д. 548, 886, 929, 1022 и далее). Через ДУУ проходили назначения выпускников Академии на духовно-учебные должности, а также некоторые другие кадровые вопросы: учреждение опеки над семьями и имуществом умерших преподавателей и служащих духовно-учебных заведений, представление преподавателей и служащих духовно-учебных заведений, не имеющих священного сана, к очередному чину и назначение им пенсий (Оп. 2. Д. 612, 739, 927 и далее). ДУУ кроме того занималось некоторыми делами высшей духовной школы, выходящими за пределы собственно Академии, прежде всего отношениями с другими высшими

¹⁵ См.: Высочайше утвержденное 1 марта 1839 г. положение о Духовно-учебном управлении при Святейшем Синоде // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 14. СПб., 1840. Отд. 1. № 12070. С. 179–183.

учебными заведениями, российскими университетами. Так, ДУУ подбирало преподавателей и выпускников Академии для преподавания богословия в российских университетах, причем не только в Московском, но и в Казанском (Оп. 2. Д. 576). После 1863 г., когда новый Устав российских университетов позволил поступление в университеты выпускников духовных семинарий, ДУУ в особых случаях вело переговоры с ректором Московского университета относительно поступления туда выпускников Академии (Оп. 2. Д. 1149).

Непосредственная связь Академии с высшей церковной властью — *Святейшим Синодом* — зафиксирована лишь в отдельных документах. Так, после 1839 г. Св. Синод утверждал решение Конференции о возведении выпускников Академии в степень магистра (Оп. 2. Д. 680, 751, 784, 1007). Св. Синод направлял воспитанников семинарий в новые церковные высшие школы — в Миссионерский институт в 1861 г. (Оп. 2. Д. 1095). И до, и после 1839 г. (до 1865 г.) Св. Синод также давал разрешение на пострижение студентов и преподавателей Академии в монашество (Оп. 2. Д. 1096)¹⁶, по указу Св. Синода ученые иноки включались в число соборных иеромонахов (Оп. 2. Д. 136, 143)¹⁷. Постриги студентов духовных академий совершались на основании Высочайше утвержденных правил о принятии в монастыри и пострижении в монашество 1832 г. Согласно этим правилам, пострижение «окончивших курс Богословских Наук и готовящихся к Учительским долж-

¹⁶ Высочайше утвержденным указом Святейшего Синода от 29 сентября 1865 г. право «разрешать пострижение желающих в монашество» было даровано епархиальным архиереям (см.: О порядке приема и пострижения желающих поступить в монашество // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 40. СПб., 1867. Отд. 1. № 42505. С. 989).

¹⁷ Попытка организовать ученое монашеское сообщество в виде «соборных иеромонахов» при крупных монастырях была предпринята еще в конце XVIII в. при Павле I. «Соборные» должны были упражняться в переводах, сочинениях, проповеди слова Божия, в преподавании наук по академиям и семинариям, а также служить в обители «собором своим службу Божию» в «первейшие» Господские праздники, «во дни рождения, тезоименитства и коронования Государского». Высочайший указ от 18 декабря 1797 г. говорил об учреждении при Киево-Печерской и Александро-Невской Лаврах и ставропигиальном московском Донском монастыре по 10 «соборных» иеромонахов, «учение свое в Семинариях и Академиях с успехом и пользою окончивших» (см.: ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 24. СПб., 1830. № 18273. § 3. С. 821–822). В XIX в. этот статус давался обычно ученым инокам, преподававшим в духовных академиях.

ностям» могло быть разрешено в 25 лет, а если они характеризовались при этом «отличным одобрением в поведении», в положенный перед постригом трехлетний иску́с могло быть вменено «время постоянного пребывания их под надзором и нравственным руководством Духовного Начальства училищного»¹⁸. Формирование ученого монашества было несомненно важной стороной жизни Академии. Так, уже первый выпуск МДА дал при выпуске целую плеяду ученых иноков: Платона (Березина Павла), Владимира (Алявдина Василия), Моисея (Сахарова Михаила), Михаила (Доброва Матфея), Анастасия (Воскресенского Афанасия), Иеронима (Нестеровского Василия), Иоанна (Вишняковского Алексея), Сергия (Извекова Павла), Амфилохия (Тумского Александра), Филарета (Райского Федора) (Оп. 2. Д. 45). И в дальнейшем каждый выпуск Академии пополнял ряды ученого монашества. На них возлагались особые надежды на развитие богословской науки, хотя духовно-учебное служение довольно быстро уводило их из стен родной Академии на должности инспекторов и ректоров других духовных школ (Оп. 2. Д. 102 и др.) Кроме того, указами Св. Синода определялись те или иные новые правила учебного процесса. Так, указом Св. Синода 1863 г. был изменен порядок рассмотрения выпускных сочинений: каждое выпускное сочинение должно было читаться последовательно и независимо тремя преподавателями Академии (по профильной дисциплине и двумя членами Конференции), а в Св. Синод отправлялись только списки рекомендованных к магистерской степени с приложением отзывов (Оп. 2. Д. 1130). Указ Св. Синода 1869 г. регламентировал меры, применяемые к выпускникам академий, не подавшим вовремя выпускные сочинения (Оп. 2. Д. 1241). Предписанием Св. Синода того же года вводились льготы на приемных и выпускных экзаменах для иностранных студентов (Оп. 2. Д. 1242).

Сложнее определить роль *обер-прокурора* в высшем духовном образовании, ибо выполнение указов Св. Синода нередко отслеживалось канцелярией обер-прокурора, а некоторые указания обер-прокурора

¹⁸ См.: Высочайше утвержденные 29 мая 1832 г. Правила о принятии в монастыри и пострижении в монашество // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 7. СПб., 1833. № 5399. § 2, 4. С. 340.

проводились зависящим от него ДУУ. Но можно выделить некоторые дела, непосредственно связанные с обер-прокурором: сбор сведений об обучающихся в Академии иностранцах (Оп. 2. Д. 1230); учреждение особого — Ломоносовского — денежного фонда для выплаты стипендий 10 лучшим студентам Академии (Оп. 2. Д. 1234); попытки принять меры для прекращения утечки духовно-учебных кадров. Последнее стало серьезной проблемой в начале 1860-х гг., и в 1864 г. в качестве попытки противодействия этому было принято решение о присуждении ученой степени выпускникам Академии только после окончания четырехлетней службы в духовно-учебной системе (Оп. 2. Д. 1155).

Переписка Внутреннего Правления с КДУ, Святейшим Синодом, обер-прокурором, ДУУ, с одной стороны, и с *Московским митрополитом*, с другой, дает возможность глубже проанализировать особое положение высших духовных школ. Выведенные Уставом 1814 г. из-под безусловного подчинения епархиальной власти, они, тем не менее, находились под постоянным начальственным наблюдением епархиального преосвященного. Им возглавлялись Конференция и Правление Академии, ему доносилось обо всех сторонах жизни Академии. Документы свидетельствуют, что эта покровительственная связь зависела теснейшим образом и от личности архиерея: на протяжении сорока шести лет управления Московской епархией святителем Филаретом (Дроздовым) практически ни одно академическое деяние или событие не проходило без его внимания или участия. Журналы заседаний Конференции и Правления, отчеты ректора о состоянии Академии и инспектора о поведении и успехах студентов, программы испытаний и итоговые списки, указания секретарю Академии содержат указания, комментарии, поощрения и выговоры святителя (Оп. 2. Д. 300, 372, 537, 1153, 1173 и др.).

3. ДОКУМЕНТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРАВЛЕНИЯ: УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС И СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Однако главная ценность архивных дел ф. 229 — возможность яснее восстановить внутреннюю жизнь МДА. Особенно важно это для

истории Академии 1814—1870 гг., ибо в тот период печаталось довольно мало внутренних документов.

Прежде всего, интерес представляют документы, связанные с введением *новых дисциплин* и устройением новых классов. Так, по архивным документам можно проследить активный процесс выделения из общего богословского курса новых самостоятельных предметов. В 1840 г. получило статус самостоятельной дисциплины каноническое право — его поручили преподавать инспектору Академии архимандриту Евсевию (Орлинскому), с возложением на него обязанности составления программы (Оп. 2. Д. 542, 583). Следует заметить, что выделение этой новой дисциплины было поддержано святителем Филаретом, ибо он еще в 1814 г., будучи ректором СПбДА, отмечал неразработанность канонического права в российской духовной школе и необходимость особого внимания к этому предмету¹⁹.

В том же 1840 г. в Академии был также введен новый учебный курс Патристики (Оп. 2. Д. 584). На примере этого курса можно заметить, что сам процесс введения новых богословских дисциплин был обусловлен двумя причинами. С одной стороны, подготовка пастырей в семинариях требовала усиления тех или иных составляющих богословского курса, а академии готовили прежде всего преподавателей для семинарий. С другой стороны, само высшее духовное образование нередко ставило перед необходимостью специально развивать те или иные области богословия, как например, изучение святоотеческого наследия. В 1839 г. во всех семинариях было введено преподавание Историко-богословского учения об отцах Церкви. Правление МДА, признав необходимым знакомить студентов с этим вновь введенным в семинариях предметом, с благословения Московского митрополита поручило преподавание патристики бакалавру герменевтики иеромонаху Евгению (Сахарову-Платонову) и вышло с соответствующим представлением к обер-прокурору. Св. Синод указом от 16 июля 1841 г. не только под-

¹⁹ См.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. Т. 1. СПб., 1885. С. 146—149.

твердил инициативу МДА, но и распорядился ввести патристику и в двух остальных академиях (Оп. 2. Д. 584. Д. 1–2 об.). Место патристики в учебных планах менялось, учебные программы были нетверды, первоначально не было определено даже самостоятельное значение ее как предмета изучения (Оп. 2. Д. 683. Л. 2–4).

С 1830-х гг. началось общее усиление интереса к церковно-исторической науке. Общий настрой «историзма», особый интерес к свидетельствам Священного Предания, а также влияние немецкой исторической науки побудили к историческому рассмотрению различных сторон церковной жизни. Развитие церковно-исторической науки имело несомненные практические причины: насущные церковные проблемы и накопление исторических источников, попадавших в академии. В 1841 г. КДА выделила русскую церковную и гражданскую историю в самостоятельную дисциплину. Опыт был достаточно удачным, и в 1843 г. Святейший Синод предложил всем остальным академиям выработать соображения по этому вопросу. Ответ последовал положительный, но комбинации указывались различные: русская церковная история присоединялась то к общей церковной истории, то к русской гражданской истории (Оп. 2. Д. 675. Л. 4–6). В частности, в МДА класс русской церковной истории был открыт в 1864 г. (Оп. 2. Д. 1132).

В документах ф. 229 отразилась одна из главных учебных проблем тогдашней высшей духовной школы — многопредметность, связанная с сочетанием в духовных академиях богословских и общеобразовательных дисциплин. Присутствие небогословских дисциплин в учебных планах академий было обусловлено, с одной стороны, педагогической задачей — подготовкой преподавателей для семинарий, с другой стороны — значением небогословских дисциплин для богословия. Так, еще до открытия МДА по правилам Устава 1814 г. (в 1810 г.) была предпринята попытка разделить изучаемые предметы на обязательные и выбираемые в качестве вспомогательных. К последним были отнесены физико-математические и историко-географические дисциплины²⁰. Однако в 1844 г. по инициативе Правления СПбДА физико-

²⁰ См.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 67–69.

математические дисциплины были сделаны обязательными для всех студентов, ибо физика «необходима для уразумения тех истин философии, которые должны прояснить свойства и законы материального мира и при том сама по себе излагает такие познания, которые ныне, по общему понятию, считаются необходимыми для всякого образованного человека» (Оп. 2. Д. 675. Л. 2). Кроме того, автоматически были предложены, также в качестве общеобязательных, историко-географические дисциплины. Правление МДА согласилось с этим предложением, однако с дополнительной ремаркой: такое расширение учебного плана возможно лишь при сокращении продолжительности лекций с двух до полутора часов. Причем за счет такого увеличения изучаемых предметов Правлением МДА предлагало ввести в высшем отделении Академии дополнительно церковную археологию и учение о вероисповеданиях, ересь и расколах, а также выделить из церковной истории библейскую (Оп. 2. Д. 675. Д. 4–6). Все это было приведено в исполнение.

Таким образом, устоявшееся в историографии мнение о том, что духовно-учебные изменения 1840–1850-х гг. проводились по инициативе обер-прокурора или некомпетентных лиц, привлекаемых обер-прокурором или ДУУ, нисколько не подтверждается²¹. Во-первых, предложения о выделении новых дисциплин из действующих курсов поступали от академических Правлений, во-вторых, централизованное введение этих дисциплин проводилось только после обсуждения предложения во всех остальных академиях. Это был творческий процесс формирования структуры высшего духовного образования с учетом его многозадачности. Хотя все же, разумеется, отсутствие единой концепции невольно сказывалось на учебных планах.

В 1867 г. по указанию ДУУ в Академии была введена кафедра педагогики (Оп. 2. Д. 1212). Эта дисциплина признавалась необходимой для духовных академий, выпускники которых преподают в духовных и светских школах, становятся пастырями. Впрочем, эта дисциплина имела непростую судьбу в истории духовной школы. Предложения от академий о введении педагогики поступали и раньше, однако введена

²¹ См., напр.: *Титлинов 1909. С. 2–4, 154–155.*

она была только во второй половине 1860-х гг., когда к выпускникам академий как преподавателям и священникам стало предъявляться немало претензий.

Так как увеличение числа преподаваемых дисциплин вело к перегрузке преподавателей, поскольку штат не увеличивался, иногда пытались сократить или совместить ранее преподаваемые дисциплины или перераспределить членов корпорации. Так, введение патристики в 1841 г. привело к прекращению преподавания библейской археологии, которую сочли менее важной (Оп. 2. Д. 603). Чрезвычайно разросшийся к концу 1850-х гг. состав предметов подвигал на совмещение, например, преподавания греческого языка с патристикой, латинского языка со словесностью (Оп. 2. Д. 1047, 1051).

Среди материалов Внутреннего Правления немало *учебных*: конспекты и обзоры учебных программ (Оп. 2. Д. 175, 219, 256, 297, 306 и далее), отчеты преподавателей о прочитанных лекциях (Оп. 2. Д. 848 и др.). Несмотря на свою фрагментарность, эти материалы представляют значительный интерес, ибо не так часто издавались учебные программы и конспекты в ранний период деятельности Академии, да и сохранилось их все же очень мало. Они отчетливо отражают не только состояние российского учебного богословия на этапе его становления, но и сам творческий процесс, подвижнические труды деятелей отечественной духовной школы. Документы ф. 229 позволяют уловить преобладающую тенденцию начала 1860-х гг. — повышенное внимание к научной деятельности академий. Так, в 1864 г. Академия получила предписание предоставить сведения об ученых трудах преподавателей и студентов самой Академии и духовно-учебных заведений округа (Оп. 2. Д. 1152).

В документах ф. 229 вполне отразилась и специфическая проблема русской духовной школы — *язык преподавания*. Еще в 1819 г. КДУ разослала по академиям предписание, разрешающее преподавать богословие как на латинском, так и на русском языке (Оп. 2. Д. 1481). Однако в целом переход в преподавании на русский язык был процессом сложным и долгим. Отметим, что дольше всего латынь держалась в лекциях по философии: если конспекты по философии для

выпускных испытаний до 1841 г. пишутся на латинском языке, то с 1842 г. — на русском (Оп. 2. Д. 585. Л. 66 об. — 67 об.; Д. 599. Л. 44–46). Конспект по философии для внутренних испытаний еще в 1854 г. был подан на латинском (Оп. 2. Д. 960). Экспромты в 1840-х гг. писались в равном количестве на русском и латинском языках (Оп. 2. Д. 604. Л. 1–1 об.; Д. 648. Л. 25–25 об.).

Особое внимание надлежит обратить на документы, связанные с проведением *внутренних и публичных испытаний* и их результатами. Отработка основных идей Устава 1814 г. в МДА проводилась еще на примере первого набора (1814–1818). Ежегодные испытания этих первых студентов преобразованной МДА — после окончания одногодичного, двухгодичного, трехгодичного учебных курсов, наконец, итоговые (публичные) испытания — позволяют проследить постепенное формирование самой идеи высшей духовной школы, а именно, соотношения в ней богословской и небогословской составляющих (Оп. 2. Д. 7, 13, 28, 46). Документы, связанные с проведением испытаний в последующие годы, ясно показывают, как отрабатывалась эта форма учебной работы. На испытаниях проверялись результаты учебной деятельности преподавательской корпорации, состоятельность студентов, их готовность к дальнейшей научно-богословской, духовно-учебной и церковно-просветительской деятельности (Оп. 2. Д. 99, 100, 112, 176, 278, 308, 312 и далее). Преподаватели представляли («сдавали») конспект по прочитанному материалу, причем если на внутренние испытания выносилось чаще всего все, что было пройдено за полгода (Оп. 2. Д. 599. Л. 1–24; Д. 648. Л. 12–25; Д. 960. Л. 1–29 об.), то на публичные — только один из разделов предмета (Оп. 2. Д. 585. Л. 66 об. — 67 об.; Д. 599. Л. 44–46). Святитель Филарет, неизменно участвовавший в итоговых испытаниях МДА, а нередко и во внутренних (Оп. 2. Д. 604. Л. 4), очень строго относился как к программам испытаний, так и к процессу их проведения (Оп. 2. Д. 300). Устные испытания гармонично дополнялись письменными экспромтами. Необычной для современного образования кажется система оценок 1840-х гг.: «отлично хорошо», «весьма хорошо», «очень хорошо», «хорошо», «довольно хорошо», «порядочно» (Оп. 2. Д. 607. Л. 22–23).

После итоговых испытаний выпускники покидали Академию, однако связь с ней не терялась. В ф. 229 сохранилось много дел, связанных с распределением выпускников, выдаче им денег на проезд и на обзаведение, установлении им классных окладов, а также на пересылку магистерских и кандидатских дипломов, магистерских крестов духовенству (Оп. 2. Д. 38, 51, 69, 96, 109, 134 и далее). Эти документы представляют немалый интерес для истории высшей духовной школы и выявления ее места и значения в Русской Православной Церкви. Кроме того, они помогают детально восстановить некоторые подробности раннего периода деятельности многих значительных церковных личностей.

В ф. 229 сохранились записки инспектора о поведении студентов, их возвращении из отпуска, исповеди и причащении, регулярно представляемые в академическое Правление и Московскому митрополиту (Оп. 2. Д. 11, 29, 44, 71, 98, 167 и далее). Эти записки часто довольно однотипны и не содержат конкретной информации. Однако иногда в них содержатся любопытные сведения из студенческой жизни. Кроме того, эти записки являются непосредственным свидетельством одной из самых сложно реализуемых сторон жизни Академии — духовного воспитания. Этот вопрос в свое время вызывал немало дискуссий, в частности, пререкаемой была сама система оценок по поведению, которые обычно выставлялись на основании записок инспектора и вносились в аттестаты и дипломы выпускников. В 1822 г. было решено избирать из числа студентов последних курсов «старших» для наблюдения за порядком. Для них Правлением была утверждена специальная инструкция (Оп. 2. Д. 139), которая впоследствии несколько раз уточнялась (Оп. 2. Д. 406, 605). Одной из обязанностей старшего было собирать студентов на общее чтение утренних и вечерних молитв (Оп. 2. Д. 605. Л. 5—5 об.).

В комплексе Внутреннего Правления содержатся многообразные кадровые материалы: формулярные списки преподавателей и служащих, курсовые и разрядные списки студентов; материалы, связанные с перемещениями преподавателей по службе. Эти документы представляют немалый интерес, ибо позволяют дополнить жизнеописания многих архиереев, священников, церковных деятелей, причем часто малоизвестными подробностями.

4. ДОКУМЕНТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРАВЛЕНИЯ:
МАТЕРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

Весьма показательны материалы, связанные со знаменитой академической *библиотекой*, также содержащиеся среди дел Внутреннего Правления. Основная часть архивных библиотечных документов попала в ф. 172 ОР ГБЛ, однако и в ф. 229 ЦИАМ содержится немало дел, свидетельствующих об активной деятельности библиотеки. Многочисленные дела о получении и выписке книг, журналов и учебных пособий (Оп. 2. Д. 15–17, 116, 121, 144 и далее) красноречиво свидетельствуют о значении обширной и тщательно подобранной библиотеки для высшей духовной школы и развития богословия. Поскольку МДА оказалась наследницей библиотек Московской Славяно-греко-латинской академии и Троицкой семинарии, в первые годы деятельности Академии в Троице-Сергиевой Лавре в нее поступало немало книжных пожертвований от высших учебных заведений (университетов, Демидовского лицея) и частных лиц, причем книги накапливались довольно быстро (Оп. 2. Д. 123–124, 179–181 и далее). Поэтому нередко ветхие книги исключались из библиотеки (Оп. 2. Д. 103), а лишние экземпляры рассылались по подведомственным семинариям и училищам (Оп. 2. Д. 101, 104 и далее). Академия старалась обеспечивать своих профессоров, бакалавров и студентов литературой, необходимой для их занятий, поэтому была введена система выписки и закупки книг по конкретным преподавательским заказам (Оп. 2. Д. 281 и далее). Хорошие библиотеки и возможность их регулярного пополнения всегда были сильной стороной высших духовных школ.

Значительную часть дел Внутреннего Правления МДА составляют *финансово-хозяйственные документы*. Ежегодная штатная сумма, поступающая до 1839 г. из Комиссии духовных училищ, а после 1839 г. — из Духовно-учебного управления, тратилась на содержание студентов (Оп. 2. Д. 31, 53, 55 и далее), выплату жалованья преподавателям и служащим (Оп. 2. Д. 30, 40, 82 и далее); содержание академических библиотеки (Д. 74 и далее), больницы (Оп. 2. Д. 22–23, 61 и далее) и канцелярии (Оп. 2. Д. 359 и далее); строительство новых академических зданий и реконструкцию старых (Оп. 2. Д. 4,

5, 86, 614—617 и далее) и на мелочные расходы (Оп. 2. Д. 2, 6, 27, 36, 80 и далее). Были также и особые расходы, имевшие отношение к подведомственным Академии духовно-учебным округам. Так, преподаватели-ревизоры, отправлявшиеся на очередной осмотр семинарий и училищ, получали прогонные деньги из академической суммы — правда, с последующим возмещением из дополнительных сумм КДУ (Оп. 2. Д. 158, 598, 982 и далее). Можно было бы проследить и собственные заботы Академии по увеличению финансовых возможностей: например, внесение остатков ежегодной денежной суммы в сохранный банк Московского воспитательного дома, а позднее — в Опекунский совет для приращения процентов (Оп. 2. Д. 161, 314), распоряжение суммами, пожертвованными на содержание неимущих студентов. На содержание духовных воспитанников жертвовали разные лица: был старый капитал графа Остермана, завещанный в пользу сирот, обучающихся в Академии; благотворительные капиталы митрополитов Михаила (Десницкого) и Серафима (Глаголевского), генерал-поручицы Римской-Корсаковой; одноразовые пожертвования московского купечества и иных лиц (Оп. 2. Д. 230, 237, 1233, 1485, 1522; Оп. 5. Д. 675). Правление Академии, чувствуя ответственность за эти суммы, старалось распорядиться ими наиболее разумно.

Бытовая сторона академической жизни, возможно, не столько интересна для исследования, но определенный колорит и полноту *общезития* она передает. В фонде сохранились частые отчеты штаб-лекаря (в дальнейшем врача) о состоянии здоровья студентов и служащих Академии (Оп. 2. Д. 21, 22, 60 и далее), обстановке в академической больнице, закупке медикаментов (Оп. 2. Д. 23, 61 и далее). Штрихи к общей жизни добавляют даже такие экзотические документы, как дело о приобретении материалов для пошива форменной одежды для студентов Академии (Оп. 2. Д. 260) или о найме цирюльника для обслуживания студентов (Оп. 2. Д. 159) и др.

Определенный интерес представляют достаточно хорошо сохранившиеся *материалы Строительного комитета* (Оп. 2. Д. 593—594 и далее) и нескольких специальных комитетов, учреждаемых в Академии по поводу каждого крупного строительства или перестройки. Так, в первые годы академического пребывания в Лавре проводилась

кампания по ремонту зданий, переданных Академии, строительству залы собраний и нового корпуса для Академии (Оп. 2. Д. 5, 86); в 1834—1837 гг. строилась академическая больница (Оп. 5. Д. 133, 149, 157; Оп. 2. Д. 615); в 1841—1842 гг. — новый одноэтажный дом для служащих Академии и двухэтажный — для преподавателей («бакалаврский корпус») (Оп. 2. Д. 557, 558, 614, 616, 617). Иногда проводились экстренные ремонты академических зданий по особым случаям: например, перед приездом лиц царской фамилии (Оп. 2. Д. 587, 888, 1069 и далее). Журналы заседаний этих комитетов, договоры о подрядах, закупке материалов, денежные отчеты, прошения о дополнительных деньгах свидетельствуют, как непросто было дело построения русского духовного образования не только в духовном, интеллектуальном, учебном, организационном отношении, но и в материальном.

5. ДЕЛА АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Как отмечено выше, в фонде сохранилось крайне мало дел, относящихся к деятельности академической Конференции (1818—1869). Тем не менее, отдельные документы можно обнаружить в комплексе дел Внутреннего Правления (Оп. 2. Д. 296). Несколько документов, связанных с деятельностью Конференции, попали в «дела из россыпи» (Оп. 5. Д. 503, 716—721), а одно дело присоединено к документам более позднего периода (Оп. 3. Д. 504). Эта плохая сохранность документов Конференции — результат многократных перемещений академического архива. В период деятельности дореволюционной Академии документы Конференции составляли значительный пласт — 910 дел (Оп. 3. Д. 985. Л. 3; Д. 274. Л. 3—4)²². Кроме того, в фонде есть также документы, связанные с напечатанием журналов Конференции и их рассылкой в семинарии и училища Московского духовно-учебного округа (а в 1818—1842 гг. — и Казанского) (Оп. 2. Д. 117, 278, 474, 613). Сами журналы Конференции сохранились лишь за отдельные

²² Часть документов Конференции попало в ф. 172 НИОР РГБ, но значительная часть, видимо, утеряна.

годы (Оп. 2. Д. 296). Однако имеется несколько документов, связанных с учреждением Конференции в МДА в 1818 г. перед первым выпуском преобразованной Академии (Оп. 5. Д. 716–717). Интересно дело 1827–1828 гг., связанное с попыткой Конференции расширить состав своих членов-корреспондентов, которые должны были доставлять Конференции «полезные сведения обо всех открытиях, относящихся к духовной учености» (Оп. 5. Д. 718. Л. 1–10).

Однако к сфере деятельности Конференции относились и упомянутые выше дела по производству выпускных испытаний воспитанников с приложением программ и конспектов для этих испытаний, а также дела, связанные с возведением в академические ученые степени студентов и выпускников Академии. Среди этих дел есть очень интересные, связанные с особыми случаями *присуждения ученых степеней* или диссертациями, вызвавшими неоднозначные мнения членов Конференции или же замечания Московского митрополита. Так, например, дело о сочинении выпускника-кандидата Академии 1832 г. Ивана Покровского «Рассуждение о том, в каком состоянии было учение о Святой Троице в Ветхом Завете», представленном им в 1834 г. на соискание степени магистра богословия (Оп. 2. Д. 392). Или история знаменитого сочинения выпускника Академии 1836 г. Николая Руднева «О ересьях и расколах в Российской Церкви» (Оп. 2. Д. 609). Оно писалось не только как выпускное, но и как представляемое на соискание премии графа Н. П. Румянцева, предложенной МДА еще в 1817 г. Затем это сочинение многократно рецензировалось, исправлялось, дополнялось, пока, наконец, в 1838 г. не получило одобрение и не было напечатано²³. Интерес представляет не только сама история, но и тщательное обсуждение понятий «ересь» и «раскол» рецензентами, а также отнесение к этим понятиям тех или иных проблемных явлений в истории Русской Церкви. Для истории русского богословия важны и рекомендации к публикации лучших сочинений выпускников Академии: «Взгляд на историю Российской Церкви» иеродиакона Платона (Фивейского) (1834), в будущем архиепископа Костромского; «Рассуждение о подражании языческих философов христианам пер-

²³ См.: Руднев Н. О ересьях и расколах в Российской Церкви. М., 1838.

вых веков» Василия Соколова (1834) (Оп. 2. Д. 393); «Историческое рассуждение о постах Православной Восточной и Католической Церкви» иеромонаха Алексия (Соловьева) (1834) (Оп. 2. Д. 474); «О крестных ходах Православной Церкви» Ивана Аничкова (1842); «О поведении первенствующих христиан в отношении к язычникам» Дмитрия Левицкого (1842) (Оп. 2. Д. 613); «Св. Димитрий, митрополит Ростовский» Василия Нечаева (1848), в будущем — архиепископа Костромского и Галичского Виссариона (Оп. 2. Д. 838)²⁴.

К материалам Конференции следует отнести и дела, связанные с *Цензурным комитетом*, подотчетным Конференции. Документы, свидетельствующие об активной деятельности этого Комитета, и сохранившиеся отчеты о рассмотрении отдельных сочинений, переводов, предполагаемых новых учебных пособий позволяют оценить уровень духовной литературы тех лет и представляют палитру связанных с ней проблем: выработка русской богословской терминологии, отношение к иностранным богословским сочинениям и т. д. (Оп. 2. Д. 116, 870; Оп. 5. Д. 721). По «цензурным» делам можно отчасти проследить и формирование комплекса духовно-учебных пособий, как богословских, так и вспомогательных: словари и грамматики древних языков (Оп. 5. Д. 719–720).

Еще одно направление церковно-просветительской деятельности Академии — *церковная проповедь*. Профессора и бакалавры МДА, профессора Вифанской ДС и священники Радонежского ДУ регулярно, согласно составленному расписанию, читали в МДА проповеди собственного сочинения (Оп. 2. Д. 177, 336, 396, 418, 444, 473, 493, 564 и далее). Ректор и инспектор Академии иногда назначались для чтения проповеди в особые торжественные дни в московском Большом Успенском соборе, например, во время празднования тезоименитства или восшествия на престол Императора (Оп. 2. Д. 527, 1062).

²⁴ См.: Платон, иеродиак. Взгляд на историю Российской Церкви. М., 1834; Соколов В. О подражании языческих философов христианам первых веков. М., 1834; Алексий (Соловьев), иером. Историческое рассуждение о постах Православной Восточной и Католической Церкви. М., 1837; Аничков И. О крестных ходах Православной Церкви. М., 1842; Левицкий Д. О поведении первенствующих христиан в отношении к язычникам. М., 1842; Нечаев В. Св. Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849.

6. ДЕЛА ВНЕШНЕГО ПРАВЛЕНИЯ

Комплекс материалов Внешнего Правления (Оп. 2. Д. 1263–2447; Оп. 5. Д. 1–132, 134–148, 150–156, 158–494, 496–499, 518–623, 625–632) дает представление обо всей «четырёхуровневой» системе духовных школ, преобразованных и иерархически связанных по Уставу 1809–1814 гг. Академия, возглавляющая эту систему в пределах Московского учебного округа, несла попечительные и контрольные заботы о девяти семинариях²⁵ и через них о нескольких десятках уездных и приходских училищ. В 1818 г. по новому Уставу были преобразованы духовные семинарии и училища Казанского духовно-учебного округа, однако Казанская академия оказалась неготовой к открытию по новому Уставу, поэтому управление Казанским духовно-учебным округом было возложено на МДА (Оп. 2. Д. 105, 153). Материалы Внешнего Правления Академии свидетельствуют, сколь обширны были подчас эти заботы и насколько подробно приходилось входить членам Правления в самые мелкие проблемы семинарской и училищной жизни. Особенно тесна и действенна эта связь была в эпоху КДУ (1814–1839), в эпоху же ДУУ (1839–1867) попечение это отчасти стало более формальным.

Среди дел Внешнего Правления присутствуют документы, связанные с открытием и закрытием новых училищ и классов (Оп. 2. Д. 1424, 1505; Оп. 5. Д. 3–12), введением новых предметов в семинарский и училищные курсы. Сохранилось также довольно много учебных материалов: конспектов и учебных программ семинарий и училищ, дел об обеспечении семинарий и училищ учебными пособиями и пополнении их библиотек.

Как и в делах Внутреннего Правления, в комплексе Внешнего Правления наличествует много *финансово-экономических документов*, связанных с распределением сумм, ассигнованных на содержание семинарий и училищ из училищных капиталов, а также пожертвованных

²⁵ В Московский учебный округ входило восемь епархий; Московской Академии подчинялись таким образом, соответственно, девять семинарий: Московская, Вифанская, Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тульская и Ярославская.

частными лицами, монастырями и различными обществами (Оп. 2. Д. 1263, 1266, 1268, 1287 и далее). Регулярно в Правление МДА поступали экономические отчеты учебных заведений о расходах штатных сумм и пожертвований. Дела о постройках, перестройках, ремонтах свидетельствуют о непростой жизни провинциальных семинарий и училищ. Среди финансовых дел — регулярные отчеты семинарских Правлений в Правление МДА о количестве распроданных венчиков и листов с разрешительной молитвой (Оп. 2. Д. 1553, 1575 и далее).

Значительную часть комплекса составляют *дела о начальствующих, учащих и служащих*: документы, связанные со служебными перемещениями (Оп. 2. Д. 1300, 1313, 1314, 1316, 1330, 1345, 1348, 1365 и далее), предоставлением профессорам и преподавателям духовно-учебных заведений Московского и Казанского округов мест священников и протоиереев (Оп. 2. Д. 1289, 1332), увольнением их, переводом из духовного звания в светское. Сохранилось много послужных списков преподавателей, документов об утверждении в ученых степенях, назначении класных окладов, вручении магистерских и кандидатских дипломов, магистерских крестов, повышении в чинах, о представлении к наградам. Журналы заседаний Внешнего Правления сохранились почти за все время его деятельности, это дает возможность проследить последовательное решение всех проблемных вопросов и во многом восстановить историческую канву формирования системы духовного образования. Так, например, в 1818 г. в связи с преобразованием казанских духовно-учебных заведений КДУ проводит многочисленные должностные перемещения преподавателей и служащих МДА, СПбДА и семинарий Московского, Санкт-Петербургского и Казанского духовно-учебных округов (Оп. 2. Д. 1425). В первые годы формирования духовно-учебной системы особенно ярко проявляется ее централизация и единство: в каждый набор студентов в МДА или СПбДА попадали воспитанники духовных семинарий всех преобразованных духовно-учебных округов (Оп. 2. Д. 1466, 1578).

Не менее в своем роде интересны *материалы об учащих*: отчеты об успехах и поведении воспитанников, годовые ведомости, результаты испытаний, разрядные списки. В частности, неимущих выпускников духовных училищ, имевших способности, помещали на бурсацкое или по-

лубурсацкое содержание в духовные семинарии (Оп. 2. Д. 1473, 1478).

Сохранились дела, связанные с дальнейшей судьбой выпускников духовных семинарий: распределением их на вакантные должности учителей в уездные и приходские училища (Оп. 2. Д. 1552 и далее), возведением в священнический сан, предоставлением священнических мест (Оп. 2. Д. 1337 и далее; Оп. 5. Д. 260, 414). Были особые места служений, замещение которых требовало внимания не только семинарского начальства и Внешнего Правления МДА, но и КДУ и ДУУ. Так, особое специальное дело было посвящено поиску кандидата на место священника церкви Казанского прихода Яренского уезда, поскольку там необходимо было знание зырянского языка. Наконец, среди воспитанников Вологодской ДС был все же найден такой (Иван Самсонов) (Оп. 2. Д. 1772).

Следует обратить внимание еще на предписания КДУ (ДУУ) об отправлении выпускников семинарий для продолжения образования в светские высшие учебные заведения: Санкт-Петербургский педагогический институт, Медицинскую академию, Московский университет (Оп. 2. Д. 1284, 1322, 1390, 1391, 1444, 1467, 1580). С одной стороны, само это явление было продолжением старой традиции — заполнения новых учебных заведений семинаристами, с другой стороны, свидетельством совместимости духовных школ с другими учебными заведениями. Однако нередко подобные кампании истощали духовно-учебную систему.

Особый интерес в делах Внешнего Правления представляют *отчеты о ревизиях семинарий и училищ*, хотя они сохранились в основном фрагментарно. Ревизии проводились регулярно, но окончательное оформление отчетов часто затягивалось (нередко они входили в дела Правления через год или два после проведения ревизии, в делах Правления сохранились даже укоры митрополита Филарета неторопливым ревизорам). Отчеты чаще всего (особенно до 1839 г.) были очень подробные — не формальные, но конкретные, с приведением фактов, с рекомендациями к возможному исправлению замеченных недочетов.

7. ДЕЛА СОВЕТА АКАДЕМИИ

В 1867 г. духовно-учебные округа были упразднены, а руководство семинариями и училищами было передано новому духовно-учебному органу при Святейшем Синоде — Учебному комитету (Оп. 2. Д. 1206)²⁶. Было упразднено и Внешнее Правление в Академии.

В 1869 г. был принят новый Устав православных духовных академий, внесший существенные изменения во все стороны жизни и деятельности высшей духовной школы (Оп. 2. Д. 1239)²⁷. На новый управляющий орган Академии — Совет — были возложены дела, связанные с научной и учебной деятельностью преподавателей и студентов, воспитательные вопросы, библиотека, а также цензура академических изданий²⁸, в то время как Правление должно было заниматься финансовыми и хозяйственными вопросами²⁹.

Главным принципом высшего духовного образования стала специализация: преподавателей — по кафедрам и по отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому), студентов трех младших курсов — по тем же отделениям, студентов выпускного курса — по группам предметов³⁰. Научную ревность преподавателей и студентов должна была укреплять модифицированная система научно-богословской аттестации, включавшая обязательное представление магистерских и докторских диссертаций в виде монографий и их публичную защиту³¹. МДА была преобразована по правилам этого Устава летом 1870 г. Академия еще дважды подвергалась преобразова-

²⁶ См. также: Высочайше утвержденное 14 мая 1867 г. Положение об Учебном комитете при Святейшем Синоде // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 42. СПб., 1871. № 44570. С. 496–498; Высочайше утвержденный 14 мая 1867 г. Устав Православных Духовных Семинарий // Там же. № 44571. С. 498–511.

²⁷ См.: Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 545–556.

²⁸ См.: Там же. § 85–103.

²⁹ См.: Там же. § 104–109.

³⁰ См.: Там же. § 46–48, 50, 110–122, 133–138.

³¹ См.: Там же. § 138–139, 141, 144–145.

ниям — в 1884 и в 1910—1911 гг.³². В 1884 г. были упразднены отделения и произошло особое утроение выпускного курса, в 1910—1911 гг. структура учебного курса также была отчасти изменена. Однако эти преобразования нисколько не меняли управляющих органов Академии, поэтому в ф. 229 весь период после 1870 г. представлен единими комплексами документов.

Жизнь Академии после преобразования 1870 г. представлена документальными комплексами Совета (Оп. 3. Д. 1—394), Правления (Оп. 3. Д. 501—988), а также особо выделенными учебными материалами, темами кандидатских и семестровых сочинений (Оп. 3. Д. 395—432), отзывами о магистерских, кандидатских и других сочинениях (Оп. 3. Д. 433—495). Дела Совета и Правления в описи зафиксированы в хронологической последовательности с разделением по годам (1870—1919), учебные программы и конспекты — по предметам (Оп. 3. Д. 395—412), темы сочинений — по годам (за 1889—1918 гг., Оп. 3. Д. 413—432), отзывы о сочинениях — по фамилиям рецензентов (или по их монашескому имени) в алфавитном порядке.

Отметим, что из материалов Совета можно было бы также выделить в особые комплексы *классные журналы* различных курсов (1—4), а до 1884 г. — и отделений (богословского, церковно-исторического, церковно-практического), сохранившиеся за отдельные годы.

По документам этим видно, как на практике перераспределились решаемые вопросы среди управляющих органов Академии. В частности, в делах Совета — распределение и расписание уроков за текущий учебный год, правила о сроках и порядке производства испытаний, отчеты об их проведении и ведомости с результатами этих испытаний, отчеты преподавателей Академии о прочитанных лекциях и научных работах (иногда с приложением черновиков и подробных пояснительных записей), дела о диспутах, устраиваемых согласно новому Уставу при защите

³² См.: Устав 1884 г. С. 232—261; Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // Там же. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274. С. 414—431; Высочайше утвержденные 29 июля 1911 г. изменения действующего Устава Духовных Академий // Там же. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35704. С. 868—870; Высочайше утвержденные 26 августа 1911 г. изменения в Уставе Православных Духовных Академий // Там же. № 35802. С. 961—966.

магистерских и докторских диссертаций и о возведении в ученые степени. Совет Академии был теснейшим образом связан непосредственно со Святейшим Синодом: в фонде содержатся указы Св. Синода Московской академии, иногда — особые, по каким-либо неординарным событиям: например, реорганизация Академии 1869—1870 гг., введение нового Устава в 1884 г. и в 1910—1912 гг., события 1905 и 1917 г. Однако довольно тесна и связь с Московским архиереем, значительно усилившаяся после 1884 г.: регулярные донесения ректора Академии Московскому митрополиту о состоянии Академии, о ходе учебных занятий и всех событиях академической жизни, докладные записки инспектора митрополиту о поведении студентов, внутренней жизни и всех ее нарушениях. Сохранились и донесения Московского митрополита Святейшему Синоду об академических занятиях, приемных, текущих и выпускных испытаниях, о составе новых академических курсов.

К сожалению, далеко не все дела Совета сохранились одинаково полно за разные годы. Есть года до крайности «скудные». Например, за 1895 г. в описи 3 зафиксировано лишь три дела, а этот год был, надо сказать, весьма беспокойным для Московской академии: прошла ревизия, повлекшая за собой критические замечания, выявились несогласия профессорско-преподавательской корпорации с ректором (Оп. 3. Д. 252. 1896 г.). Однако некоторое восполнение этих пробелов можно произвести даже внутри ф. 229 — среди дел, не попавших в основные тематические комплексы и внесенных в опись № 5: так, там можно найти 26 дел, относящихся к 1895 г. и существенно проясняющих происходившее в это время в Академии (Оп. 5. Д. 655—680). Очень бедны материалами годы 1905, 1909—1912 (по 2—3 д.), 1915—1917 (по 5 д.), 1918—1919 (по 1 д.). Однако сохранились по большей части журналы заседаний Совета³³ и годовые Отчеты о состоянии Академии.

³³ По Уставу 1869 г. журналы Академии, как и отчеты о состоянии Академии за истекший учебный год, должны были печататься отдельными выпусками и в приложении к академическому периодическому изданию. Однако в ПрибТСО — органе Академии до 1892 г. — эти ценные источники по истории МДА печатались нерегулярно. Лишь с 1892 г., когда был основан журнал «Богословский вестник», все эти документы стали легко доступны. Но ценность архивного варианта журналов заседаний — в некоторых замечаниях, частных мнениях, не вошедших в печатный вариант.

Несомненно, особый интерес представляют документы, относящиеся к «реформенным» годам жизни Академии, то есть периодам введения в жизнь новых Уставов. Так, радикальные изменения, введенные Уставом 1869 г., определили для Совета Академии четырехлетний период (1870—1874) творческой работы по подбору кадров, составлению правил по порядку испытаний на ученые степени и звания, по рассмотрению сочинений, представляемых на соискание ученых богословских степеней, избранию преподавателей, формированию приват-доцентуры (Оп. 3. Д. 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10). По всем этим вопросам регулярно представлялись отчеты Московскому митрополиту, а также велась переписка с Учебным комитетом и Святейшим Синодом.

Не менее сложным был переход Академии на Устав 1884 г. Хотя он и внес меньше организационной новизны, чем Устав 1869 г., однако изменения учебного процесса — упразднение отделений, специальная постановка выпускного курса — повлекли за собой много различных проблем. Надо было в течение года прочитать всем студентам 4-го курса все то, что они не изучали на своем отделении, принять экзамены, перераспределить преподавателей (Оп. 3. Д. 165—169). Для студентов третьего и второго курсов «переходного периода» Совет Академии по распоряжению Святейшего Синода составил особое учебное расписание. Совет МДА, воспользовавшись идеей увеличения общеобязательного курса, решил проявить свою инициативу и включить в него естественно-научную апологетику, которую Академия учредила в 1870 г., впрочем, безуспешно — эта кафедра так и осталась в статусе епархиальной (Оп. 3. Д. 167. Л. 14—14 об.). После кончины ее бессменного руководителя профессора Д. Ф. Голубинского († 23.11.1903) кафедра эта не замещалась³⁴, хотя члены корпорации МДА и выдвигали свои предложения о более определенной постановке апологетики, а также о конкретном содержании учебной программы. Был даже разработан проект «реформы естественно-научной апологетики», однако он не получил утверждения. Вскоре сама кафедра была упразднена с заме-

³⁴ См. выше специальную статью Г. Е. Кольванова «Кафедра Естественно-научной апологетики Московской духовной академии (1870—1903) в лице Д. Ф. Голубинского». С. 256-290. — Ред.

ной ее на кафедру Истории и обличения русского сектантства как более актуальной для текущих нужд Московской епархии (Оп. 3. Д. 315).

Хотя учебный курс после 1869 г. определялся действующим Уставом духовных академий и был в целом достаточно стабильным, некоторые изменения все же проводились. Так, по ходатайству Совета МДА и Московского митрополита Сергия (Ляпидевского) указом Святейшего Синода от 4 января 1897 г. предметы Истории и обличения русского раскола, а также Изучения и разбора западных исповеданий были сделаны общеобязательными, причем не только для МДА, но и для всех остальных академий (Оп. 3. Д. 249. Л. 2–4).

Следует обратить особое внимание на документы, выявлявшие недовольство академических корпораций неудачными положениями действующих Уставов. Хорошим примером здесь является докладная записка 1894 г. Совета МДА митрополиту Московскому Сергию (Ляпидевскому) «о существующем и желательном порядке замещения должности ординарного профессора» (Оп. 3. Д. 238). Согласно Уставу 1884 г., все кафедры в Академии подразделялись на восемь групп, на каждую из которых была положена одна вакансия ординарного профессора³⁵. Таким образом, имеющий докторскую степень преподаватель не мог получить ординатуру, даже если таковые были праздными, но принадлежали группам, не включавшим его кафедру. Впрочем, ходатайство Совета МДА, поддержанное советами других академий, имело успех: указом 1895 г. должности ординарных профессоров стали доступны всем преподавателям, имеющим докторскую степень³⁶.

Среди учебных материалов, кроме привычных программ и конспектов лекций, немалый интерес представляют *отчеты профессорских*

³⁵ 1) по наукам богословским (введение в круг богословских наук, богословию догматическому и нравственному); 2) Священному Писанию с библейской историей; 3) пастырскому богословию, педагогике, гомилетике и истории словесности; 4) церковному праву, литургике и патристике; 5) церковной истории — общей и русской, истории западных исповеданий и истории русского раскола; 6) философии; 7) гражданской истории — общей и русской; 8) языкам — русскому и церковнославянскому, еврейскому с библейской археологией, греческому и латинскому (см.: Устав 1884 г. С. 232–261. § 106).

³⁶ Ф. 797. Оп. 65. Отд. 1. Ст. 2. Д. 38. Об изменениях в Уставе Духовных Академий. 1895 г. Л. 1–7.

стипендиатов МДА³⁷. Некоторые отчеты печатались в журналах Совета Академии. Однако, поскольку они были слишком обширны, довольно скоро их перестали печатать, ограничиваясь включением в журнал Совета отзыва научного руководителя на представленный отчет. Поэтому-то большая часть стипендиатских отчетов является пока достоянием архивных фондов. Так, например, сохранился отчет профессорского стипендиата МДА 1889—1890 уч. г. Н. Н. Глубоковского (Оп. 3. Д. 210. Л. 1—20 об.); его однокурсника С. С. Глаголева (Оп. 3. Д. 211. Л. 1—20 об.); стипендиатов 1890—1891 уч. г. В. Н. Мышцына (Оп. 3. Д. 210. Л. 21—39 об.) и А. А. Спасского (Оп. 3. Д. 218. Л. 18—28); стипендиата 1891—1892 уч. г. М. М. Тареева (Оп. 3. Д. 218. Л. 1—18)³⁸. Особый интерес представляет отчет одного из последних профессорских стипендиатов МДА — священника Евгения Кобранова, который пребывал в статусе стипендиата два учебных года: 1916/17 и 1917/18 (Оп. 3. Д. 390). За это время он прошел стажировку на Восточном факультете Петроградского университета, получив признание специалистов — гебраистов, востоковедов, археологов. В деле содержатся отзывы о работе священника Евгения академиков Н. Я. Марра и И. Ю. Крачковского, профессоров Б. В.

³⁷ Институт профессорских стипендиатов был введен в духовных академиях Уставом 1884 г. (см.: Устав 1884 г. С. 232—261. § 54—56).

³⁸ За стипендиатский год всем указанным выпускникам МДА удалось закончить магистерские диссертации или существенно продвинуться в их написании: *Глубоковский Н. Н.* Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность: Церковно-историческое исследование: В 2 т. М., 1890; *Глаголев С. С.* О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого. М., 1894; *Мышцын В. Н.* Учение св. Апостола Павла о законе дел и законе веры. СПб, 1894; *Спасский А. А.* Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского, с кратким предварительным очерком его жизни. СПб, 1895; *Тареев М. М.* Искушение Господа нашего Иисуса Христа. М., 1900. В дальнейшем все они стали докторами (Глубоковский, Глаголев и Тареев — богословия, Мышцын — церковного права, Спасский — церковной истории) и профессорами: Н. Н. Глубоковский — профессором СПбДА по кафедре Священного Писания Нового Завета; С. С. Глаголев — профессором МДА по кафедре основного богословия; В. Н. Мышцын — профессором МДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; М. М. Тареев — профессором МДА по кафедре нравственного богословия; А. А. Спасский — профессором МДА по кафедре церковной истории.

Тураева и П. К. Коковцева³⁹. Год специальных занятий давал возможность лучшим выпускникам закончить свою магистерскую диссертацию и подготовить материалы для курса лекций. Отчеты стипендиатов представляли собой серьезные обзоры историографии и источников по предмету их специализации, что само по себе могло быть полезным вкладом в русскую богословскую науку. Обсуждение планов занятий и отчетов стипендиатов позволяло Совету Академии выработать определенные критерии, которым должен был отвечать кандидат на ту или иную кафедру.

Особым направлением деятельности ученых МДА являлось их участие в общенаучных проектах, съездах и конференциях. Так, в 1902 г. Совет МДА обсуждал перспективы участия представителей духовных академий в деятельности Русского археологического института в Константинополе (РАИК) (Оп. 3. Д. 287). РАИК действовал начиная с 1894 г., однако на первом этапе существования его связи с духовными академиями не были достаточно тесными, хотя уже при самом учреждении института подразумевались стажировки в нем стипендиатов из российских университетов и духовных академий. Возможности, предоставляемые пребыванием на Востоке, в немалой степени интересовали преподавателей многих кафедр: церковной истории, церковной археологии и литургики, древней и новой гражданской истории, канонического права, патристики, греческого языка, русской церковной и гражданской истории, Священного Писания. Наиболее активно откликнулись на последовавшее предложение профессора кафедр церковного права Н. А. Заозерский и церковной истории А. А. Спасский (Оп. 3. Д. 287. Л. 4–8 об.). Однако им все же казалось более полезным отправлять на стажировки не профессорских стипендиатов — вчерашних выпускников, — а преподавателей, уже определившихся со своими научными и педагогическими интересами, способных использовать посещение христианского Востока значительно более плодотворно.

³⁹ С 1917 г. — священник церкви Девяти мучеников Кизических у Горбатого моста и помощник заведующего музея классического Востока; в 1921 г. принял постриг с именем Евгений; в дальнейшем он был наместником Новоспасского монастыря, затем епископом Муромским, викарием Владимирской епархии; епископом Балашовским, викарием Саратовской епархии; епископом Ростовским, викарием Ярославской епархии († 1937).

Представители МДА регулярно участвовали в Археологических съездах начиная уже с 1-го съезда, состоявшегося в 1869 г. в Москве. В 1897 г. представители академий приняли участие в подготовке 1-го съезда художников и любителей художеств (вопрос об иконописании). В конце 1902 г. Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук начало подготовку съезда славянских филологов и историков. Духовным академиям было предложено прислать представителей на съезд, планируемый на сентябрь 1904 г. и, при желании, принять участие в изданиях и исследованиях по славянскому языкознанию, истории, литературе, этнографии (Оп. 3. Д. 131).

Следует упомянуть и *дела, связанные с научно-богословской аттестацией*, прежде всего — с ее проблемными вопросами. Бóльшая часть аттестационных документов включена в ежегодные журналы Совета. Однако в фонде сохранились и специальные дела по присуждению ученых степеней, представления митрополита Московского Синоду с ходатайствами Совета об утверждении в ученых степенях и утверждающие указы Синода (Оп. 3. Д. 230, 236, 240, 247 и далее).

Значительная часть документов этого периода посвящена студентам, их учебе и *воспитанию*. С 1880-ми гг. связаны воспитательные проблемы. Кон. 1883 — нач. 1884 гг. принесли в жизнь духовных академий новую полосу нестроений. В КДА один из студентов был арестован за хранение революционных сочинений и бомбы, предоставление ночлега членам террористической фракции; в результате, Синод разослал всем духовным академиям призыв к особой бдительности относительно поведения студентов (Оп. 3. Д. 191. Л. 4–7). Опасения были не напрасны: в конце 1890 г. нестроения охватили МДА, в сентябре 1895 г. попытки нового ректора — архимандрита Лаврентия (Некрасова) — устрожить дисциплину вызвали возмущение студентов, что было последней каплей, после которой был прислан ревизор П. И. Нечаев (Оп. 3. Д. 191). Однако эти дисциплинарные возмущения еще укладывались в рамки «студенческих», более серьезная ситуация сложилась в 1905 г., что тоже запечатлено в документах фонда (Оп. 3. Д. 324).

Со второй половиной 1880-х гг. связана еще одна «студенческая» проблема — *безработица выпускников духовных академий* (Оп. 3. Д. 191. Л. 1–3 об.). Проблема избытка выпускников духовных академий

представляла большое затруднение для духовного ведомства: безработные кандидаты богословия добивались учительских мест в духовных училищах, соглашаясь на оклады, положенные выпускникам семинарий (450 руб. в год), но эти места были закреплены за выпускниками семинарий. Своекостных студентов при поступлении в духовные академии заставляли давать подписку, что не будут искать мест по духовно-учебному ведомству. 4 мая 1887 г. состоялся указ Святейшего Синода о сокращении штата казеннокоштных студентов духовных академий на 60 мест в каждой. Прилагались силы к сокращению числа своекоштных студентов: они создавали дополнительные проблемы, деятельность их не имела перспектив. Советы духовных академий иногда нарушали уставной § 113, но обер-прокурор К. П. Победоносцев, несмотря на сетование отвергаемых абитуриентов, был непоколебим: отказы объяснялись «избытком кандидатов на духовно-учебные должности».

Особый интерес представляет *студенческая просветительская и проповедническая деятельность* (Оп. 3. Д. 611, 834, 890, 965 и др.) Эта деятельность студентов вызывала неоднозначную реакцию в корпорациях духовных академий. Одни преподаватели были готовы руководить студентами в этой деятельности, считая ее положительным явлением, приближением студентов к реальной жизни и подготовкой к будущему служению. Другие были недовольны отвлечением студенческого внимания от плановых учебных занятий. Тем не менее, просветительские и проповеднические опыты студентов Академии требуют особого исследования.

8. ДЕЛА ПРАВЛЕНИЯ АКАДЕМИИ

Академическому Правлению по Уставу 1869 г. были отданы в ведение дела в основном хозяйственные (после 1884 г. — и некоторые воспитательные), однако сохранившиеся документы показывают, что вниманию Правления подлежало и устройство выпускников Академии, назначенных на преподавательские места в семинарии, и оснащение специальных кабинетов. Правление вело переписку с Синодом и Московской духовной консисторией по вопросам учреждаемых стипендий,

рассылки академических изданий, назначения и выплаты пенсий бывшим преподавателям и служащим Академии и их семьям. Правление собирало, составляло и сообщало сведения о числе учащихся, служащих и учащихся в Академии, о вакантных местах, замещаемых выпускниками, о поступивших в монашество преподавателях и студентах, данные о вновь поступивших и выпускниках. И, конечно, решало все множество вопросов хозяйственных: приход и расход денег, выдача прогонных и подъемных сумм, ремонт и перестройка академических зданий, выплата жалования и расходы по содержанию, содержание больницы и расходы на медикаменты и многие другие. Разрешение этих вопросов можно проследить по сохранившимся журналам собраний Правления.

Обратим внимание на дела академической Покровской церкви (Оп. 3. Д. 509, 573, 598, 607, 619 и далее). По ним можно восстановить состав клира Покровской церкви, устроенной в 1870 г. на иждивение почетного блюстителя Академии А. Толоконникова. Настоятелем церкви, согласно установлению, был ректор Академии; кроме того, в клир входило от двух до четырех священников из наставников МДА и Вифанской ДС по их желанию и усмотрению епархиального преосвященного. Особых диаконов при церкви не полагалось — эти обязанности должны были выполнять студенты-диаконы, как и особых причетников — эти обязанности также несли студенты.

С делами Покровской церкви связаны и сохранившиеся проповеднические журналы Покровской церкви (Оп. 3. Д. 906, 908, 937, 968), а также Красюковской Михаило-Архангельской церкви (Оп. 3. Д. 938).

Интерес представляют дела, связанные с учреждением при Академии именных стипендий: имени В. М. Ундольского в 1870 г. (Оп. 3. Д. 503), имени протоиерея А. М. Невоструева в 1873 г. (Оп. 3. Д. 529), имени профессоров-протоиереев Ф. А. Голубинского и П. С. Делицына в 1874–1875 гг. (Оп. 3. Д. 536а), имени епископа Орловского Макария (Миролюбова) в 1874 г. (Оп. 3. Д. 539), имени протоиерея А. В. Горского и епископа Никодима (Казанцева) в 1877–1878 гг. (Оп. 3. Д. 570), имени Юрия Самарина в 1878 г. (Оп. 3. Д. 571), имени профессора КазДА Н. П. Соколова в 1881 г. (Оп. 3. Д. 605), имени

протоиерея И. В. Рождественского и А. И. Хлудова в 1883 г. (Оп. 3. Д. 628), имени митрополита Московского Иоанникия в 1890 г. (Оп. 3. Д. 698а), имени архимандрита Павла (Прусского) и профессора Н. И. Субботина в 1894 г. (Оп. 3. Д. 740), имени митрополита московского Сергия (Ляпидевского) в 1898 г. (Оп. 3. Д. 787), имени Василия Феолога в 1900 г. (Оп. 3. Д. 811), имени протоиерея А. С. Ильинского в 1900 г. (Оп. 3. Д. 812), в память столетия Тульской епархии имени А. Е. Косташа и имени епископа Тверского в 1901 г. (Оп. 3. Д. 825), имени епископа Ставропольского Агафодора в 1904 г. (Оп. 3. Д. 866), имени Пятикрестовских и Покровских в 1905 г. (Оп. 3. Д. 879), имени протоиерея Алексея Соболева в 1909 г. (Оп. 3. Д. 923), имени архиепископа Казанского и Свияжского Иакова (Пятницкого) в 1914 г. (Оп. 3. Д. 956). Эти «стипендиальные» дела важны не только с фактологической точки зрения. В стипендиях, учреждаемых бывшими выпускниками Академии или в их память, в стремлении поддержать последующие поколения «академиков» проявлялась непрерывная традиция, связанная с особым феноменом духовной школы. Стипендии, учреждаемые лицами, не учившимися в МДА, свидетельствуют о неразрывной связи Академии со всей русской культурой, образованием. Кроме того, в фонде сохранились списки стипендиатов Лавры и переписка с учрежденным Собором Троице-Сергиевой Лавры по поводу этих стипендий (Оп. 3. Д. 520, 538, 561, 585, 627 и далее).

О просветительской стороне деятельности МДА свидетельствуют дела, связанные с учреждением при Академии Первой, а затем Второй церковно-приходских школ в 1899–1900 гг. (Оп. 3. Д. 788, 814, 890, 965). Инициатива по созданию этих школ принадлежала ректору Академии епископу Арсению (Стадницкому) (1898–1903), который считал необходимой составляющей высшего духовного образования такой «прикладной» вид просвещения.

Следует обратить внимание на дела последних лет, хотя их сохранилось немного: учреждение в Академии лазарета для больных и раненых воинов, его судьба после 1917 г. (Оп. 3. Д. 979); передача в ведение Академии Пятницкой и Введенской церквей и переписка по этому вопросу с Сергиево-Посадским Советом рабочих депутатов и

другими организациями в 1920—1921 гг. (Оп. 3. Д. 984). Хотя эти дела фрагментарны, они помогают прояснить обстановку первых послереволюционных лет, которые стали последними годами деятельности дореволюционной Академии.

9. УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Учебные программы и темы кандидатских и семестровых сочинений (Оп. 3) представляют несомненный интерес — и исторический, и методический, и научный. К сожалению, сохранились они не за все годы (по большинству предметов это 1874—1915 гг., но часто и за эти годы конспекты лекций фрагментарны). Эта общая проблема плохой сохранности академического архива нашла отражение в журналах заседаний Совета, где звучат неоднократные призывы к преподавателям: сдать в Совет задержанные конспекты читаемых курсов, обновить конспекты по давно измененным курсам и пр.

Отзывы о магистерских, кандидатских и других сочинениях сохранились крайне плохо. Иногда это просто черновая записка или ее фрагмент, в некоторых же делах — по 1—2 отзыва, хотя, конечно, каждый преподаватель давал существенно большее количество рецензий⁴⁰.

10. ЛИЧНЫЕ ДЕЛА

Большую ценность ф. 229 составляют сохранившиеся личные дела начальствующих, преподавателей, служащих и студентов Академии. Они зафиксированы в описи № 4. Сохранилось 4 923 личных дела студентов (Оп. 4. Д. 1—4923) и некоторые отдельные личные доку-

⁴⁰ Отзывы наставников на студенческие кандидатские работы с 1887 г. начали печататься в издаваемых «Журналах Совета МДА», а начиная с 1892 г. регулярно печатались в «Богословском вестнике» (в номерах следующего за выпуском года), отзывы на магистерские и докторские диссертации можно найти в журналах заседаний Совета Академии. Отзывы за более ранние годы были бы, конечно весьма ценны, и их плохая сохранность обедняет наше знание.

менты 1851–1916 г. монашествующих студентов, фамилии которых идентифицировать не удалось (Оп. 4. Д. 4924). Дела расположены в описи в алфавитном порядке по фамилиям, без разделения по курсам. Монашествующие студенты, фамилии которых определены, также помещены в этом порядке по фамилии, а не по монашескому имени. В эту же опись включены списки студентов по курсам (Оп. 4. Д. 4925–5001), упорядоченные по номерам выпусков (1–77). Сохранилось 254 личных дела преподавателей (Оп. 4. Д. 5002–5256): в описи они расположены в алфавитном порядке, монашествующие по монашескому имени, — а также личные дела преподавателей академической церковно-приходской школы (Оп. 4. Д. 5257–5263), служащих Академии (Оп. 4. Д. 5333–5540), служащих библиотеки и издательства (Оп. 4. Д. 5541–5562), причта академической Покровской церкви (Оп. 4. Д. 5563–5571) и отдельные личные дела почетных членов МДА (Оп. 4. Д. 5573–5697) и почетных членов академической Конференции (Оп. 4. Д. 5698–5901).

Насколько полно сохранились личные дела академического архива? Прежде всего — по количеству: конечно, это не все дела, которые заводились, хотя по количеству их больше, чем число зафиксированных выпускников МДА⁴¹. Точные статистические расчеты провести практически невозможно, ибо в фонде есть личные дела студентов, не окончивших Академию, некоторым лицам соответствует два личных дела, иногда, напротив, документы нескольких лиц попали в одно дело. Но некоторые лакуны определить можно. Во-первых, отсутствует бо́льшая часть личных дел первого академического набора (1814–1818): из 64 выпускников только 14 имеют личные дела в ф. 229, и документы еще четверых рассеяны по чужим личным делам однофамильцев.

⁴¹ С открытия МДА по правилам Устава 1814 г. в Троице-Сергиевой Лавре до преобразования 1870 г. Академию окончило 1326 выпускников, с преобразования 1870 г. до 1914 г. — еще 2318. Курсы 70–74 (выпуски 1915–1919 гг.) в общей сумме дали около 300 выпускников. Таким образом, с открытия в Троице-Сергиевой Лавре до переезда в Москву в 1919 г. Академию окончило около 3950 выпускников (точнее подсчитать невозможно, ибо студенты нередко подавали выпускные работы через год или два после официального окончания Академии) — и никак не более 4000. В оп. № 4 ф. 229 сохранилось 4923 личных студенческих дела.

Во-вторых, сохранились далеко не все личные дела студентов наборов 1916 и 1917 г. (75 и 76 курсы), отсутствуют личные дела набора 1918 г. (77 курс), уже не говоря о том, что совсем нет никаких данных о 78, 79 и 80 курсах, поступивших в Академию в 1919, 1920 и 1921 г. после переезда Академии в Москву⁴². В-третьих, отсутствуют некоторые личные дела и из «срединных», вполне стабильных курсов⁴³. Самыми «благополучными» по сохранности личных дел являются выпуски 1870—1880-х гг. Так, сохранились все личные дела студентов 30 курса (1875). Среди личных дел следующего 31 курса (1876) отсутствует только одно — дело иеромонаха Рафаила (Никольского). Среди личных дел следующего 32 курса (1877) есть всего лишь две потери — личные дела двух первых магистрантов богословского отделения Митрофана Муретова и Павла Платонова. Да и то некоторые студенческие документы М. Д. Муретова попали в его преподавательское дело (Оп. 4. Д. 5130).

Преподавательские личные дела сохранились более полно, хотя и в них есть некоторые потери. В меньшей степени дошли до нас личные дела почетных членов — Конференции (избирались с 1820 по 1869 г.) и Академии (с 1870 по 1918 г.). Так, сохранилось лишь 4 дела почетных членов Конференции, хотя только в 1820 г. в Московскую Конференцию было определено 6 почетных членов, за все же годы существования Конференции и звания ее почетных членов в таковом звании пребывало 35 человек. Почетных же членов Академии с момента

⁴² В «Отчете о состоянии МДА за 1919—1920 и 1920—1921 уч. г.» имеются данные о количестве зачисленных на первый курс Академии в 1919 г. (50 человек: 46 студента и 4 вольнослушателя), 1920 г. (30 человек: 25 студентов и 5 вольнослушателей) и 1921 г. (65 студентов и 13 вольнослушателей) (опубл. в: ВРХД 147. 1986. С. 196—205). Конечно, об этих учащих уже нельзя, наверное, говорить как о студентах Академии в полном смысле этого слова, ибо полноценного академического курса никто из них уже не прослушал.

⁴³ Например, отсутствует личное дело студента 68 курса Владимира Пылаева и некоторые другие. Полная сверка сохранности личных дел по спискам курсов планируется в дальнейшем. Однако работа эта осложнена тем, что некоторые личные дела монашествующих студентов не содержат фамилии: например, д. 1699 — личное дело иеродиакона Кирилла, фамилия не установлена. Кроме того, выше упомянутое д. 4924 содержит отдельные личные документы на монашеские имена без указания фамилий.

учреждения сего звания в 1869 г. и до 1914 г. было избрано 172 (из них 5 были почетными членами Конференции), за последующие годы добавилось еще несколько почетных членов Академии⁴⁴.

По внутреннему состоянию дела сохранились с разной степенью полноты. В личные дела вшивались и послужные (формулярные) и наградные списки, но не всегда регулярно. Однако в этих личных делах встречаются и ошибочно попавшие документы — другого лица, соименного или однофамильного. Некоторые ошибки замечены и зафиксированы (указанием в описи или внутри самого дела), часть же ошибок не выявлена и требует внимательного рассмотрения. Так, в личном деле профессора А. П. Лебедева (Оп. 4. Д. 5106) есть документы, относящиеся к священнику Алексею Лебедеву (выпускник МДА, близкий по времени к Алексею Петровичу Лебедеву). В деле профессора И. В. Попова (Оп. 4. Д. 5166) имеются документы, относящиеся к иеромонаху Порфирию (Попову) и к К. М. Попову, библиотекарю Академии.

Сохранившиеся дела преподавателей достаточно полно отражают все события, изменения, перемещения по службе, научную и преподавательскую деятельность (это, к сожалению, не относится к последним годам). Личные дела ученого монашества отражают основные вехи на этом пути служения: пострижение в монашество, рукоположение во иеродиакона, иеромонаха, окончание Академии, получение магистерского креста, причисление к числу соборных монахов Донского монастыря или Александро-Невской Лавры, преподавание, часто — инспекторство, затем, возможно, ректорство. Такие документы содержатся, например, в объемном деле иеромонаха (архимандрита) Сергия (Ляпидевского), ректора МДА, будущего митрополита Московского (Оп. 4. Д. 5189. Л. 1–120). Дело ошибочно расширено: в него попали документы выпускника МДА 1818 г. иеромонаха Сергия (Извекова) (Оп. 4. Д. 5189. Л. 1–2) и выпускника МДА 1876 г. иеромонаха Сергия (Соколова) (Там же. Л. 94–105, 118–119), ректора МДА протои-

⁴⁴ См.: *Смирнов 1879*. С. 411–412; *Н. В. Почетные члены Московской Духовной Академии за первое столетие ее существования (1814–1914 гг.)* // БВ. 1915. Т. 3. № 10/11/12. С. 868–892 (1-я пагин.).

ерея Сергия Смирнова (Там же. Л. 109), инспектора МДА иеромонаха Сергия (Страгородского), будущего патриарха (Там же. Л. 111–117). Но и документы, относящиеся к самому будущему митрополиту Сергию (Ляпидевскому) (Там же. Л. 3–93, 106–108), дают возможность проследить основные вехи его духовно-учебной деятельности.

Личное дело профессора-мирянина Василия Петровича Виноградова позволяет проследить основные вехи этого варианта духовно-учебного служения (Оп. 4. Д. 5038). В нем 33 листа, в дело попали и элементы, обычные для студенческого дела: свидетельства о рождении, о явке к воинской повинности, о приписке к призывному участку. Но подробно отражен и собственно преподавательский путь: утверждение в статусе и. д. доцента, прошения о выписке книг для научных занятий, дела по защите магистерской диссертации и утверждении в должности доцента, в очередных чинах и наградах, рецензии на чужие диссертации, студенческие работы, формулярные списки, проблемы 1917 г. — удаление из МДА в МДС, затем возвращение по особому ходатайству Совета Академии. Наконец — записка, связанная с переездом МДА летом 1919 г. в Москву (Оп. 4. Д. 5038. Л. 29–32).

Недостаток послужных (формулярных) списков в личном деле можно иногда восполнить «краткими формулярами», объединенными в отдельный комплекс (Оп. 4. Д. 5264–5332). Сохранились списки за отдельные годы 1816–1853 и ежегодно за 1870–1916 гг. (без 1874, 1886–1888, 1890–1892, 1902 гг.).

Студенческие личные дела иногда разочаровывают скудостью документов. В основном, личное дело студента было сориентировано на момент поступления его в Академию. Поэтому, как правило, в деле есть так называемый «набор абитуриента», то есть: 1) свидетельство об окончании семинарии, 2) метрическое свидетельство о рождении и крещении, 3) справка о состоянии здоровья, 4) приписное воинское свидетельство, 5) сопроводительное направление от ректора семинарии (для посланников семинарий) или заявление с просьбой о допуске к вступительным экзаменам (для волонтеров). В некоторых делах этот «абитуриентский набор» обогащен какими-либо специфическими документами. После поступления студента в Академию личное дело часто велось лишь 1–2 года, туда могли попасть оценки, полученные

в процессе обучения, некоторые документы — прошения, заявления. Так, например, личное дело студента 67 курса (1908—1912 гг.) Сергея Сахарова (в будущем — епископ Ковровский Афанасий) (Оп. 4. Д. 3638) содержит переписку ректора Владимирской семинарии (которую окончил владыка Афанасий) с Советом МДА с просьбой устроить для питомца семинарии, болевшего во время вступительных экзаменов в Академию, отдельные испытания; личное дело студента 65 курса (1906—1910 гг.) Мирона Ржепика (Оп. 4. Д. 3430) содержит переписку с выяснением обстоятельств присоединения Мирона Ржепика, принявшего при рождении католическое крещение, к православии; личное дело студента 74 (1915—1919 гг.) курса Григория Климова (Оп. 4. Д. 1712) содержит ходатайство перед Советом МДА преосвященных Киевского и Харьковского о принятии в Академию выпускника Волынской семинарии, не принадлежащей к Московскому учебному округу, Григория Климова.

Однако ведение некоторых личных студенческих дел продолжалось даже по окончании воспитанниками Академии. Так, личное дело Андрея Марковича Адамовича (Оп. 4. Д. 18) велось 48 лет, а дело Петра Филипповича Гонорского (епископа Поликарпа) (Оп. 4. Д. 987) даже 57 лет. Конечно, эта длительность не имеет отношения к процессу обучения в Академии, но в дело попали документы последующих лет (так, например, у Гонорского в дело попала переписка его родственников с Правлением МДА после смерти епископа Поликарпа с просьбой дать документы, подтверждающие постриг Петра Филипповича с именем Поликарп, для получения наследства). В личном деле студента Дмитрия Петровича Брянцева (50 курс; Оп. 4. Д. 458) хронологические рамки расширены его перепиской с Советом МДА по поводу работы на соискание ученой степени магистра богословия, посланной Дмитрием Петровичем через десять лет после окончания Академии, когда он уже был преподавателем Рижской семинарии (в описи ошибочно помечено, что хронологические рамки личного дела Брянцева — 14 августа 1841 г. / 12 февраля 1908 г., что представляется совсем невероятным; однако на самом деле начальная дата — 1891 г., год поступления, и на титульном листе личного дела эта дата отмечена верно).

Приведем пример «классического» студенческого личного дела, которое велось в течение всего обучения в Академии. Александр Петрович Голубцов (студент 41 академического курса, впоследствии профессор Академии) (Оп. 4. Д. 978): в личном деле имеется полный «набор абитуриента», переданный в Совет МДА из Костромской ДС с посланником Семинарии Александром Голубцовым, и документы, связанные с окончанием: академический диплом, свидетельство о явке к воинской повинности. Кроме того, в деле имеется несколько документов, связанных с последующей преподавательской деятельностью Александра Петровича: подача магистерского сочинения, командировка на Археологический съезд, сведения о семье; видимо, правильнее было бы этим документам находиться в преподавательском личном деле Александра Петровича (Оп. 4. Д. 5052).

По личным делам можно проследить, как реализовывались на практике те или иные официальные постановления. Так, например, личные дела студентов, поступивших в Академию в 1917–1919 гг., свидетельствуют о реализации новых правил, принятых в мае 1917 г., — разрешение поступать в духовные академии без экзаменов выпускникам семинарий 2-го разряда⁴⁵ (Оп. 4. Д. 4148 и др.).

Очень важны *личные дела иностранных студентов*. Начиная с 1850-х гг. в Академии учились студенты из братских Православных Поместных Церквей (греки, болгары, сербы, черногорцы, сирийцы). Само обучение этих посланцев в российских академиях и получение ими дипломов и ученых степеней свидетельствовало об общеправославной значимости российской системы духовного образования и научно-богословской аттестации, о единстве православной богословской науки. Подготовка и аттестация духовно-учебных и научно-богословских кадров для других Поместных Церквей были также проявлением готовности Русской Православной Церкви и православного Российского государства оказать этим Церквам братскую помощь в богословском образовании, отвечая при этом за научную компетентность выпускников. Однако в этих личных делах можно найти немало интересного для истории Русской Православной Церкви. Так, по делам студентов-

⁴⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1917 г. Д. 78. О реформе Духовных Академий. Л. 3.

славян Ефрема Бойовича, Стефана Иовича, Светислава Давидовича, Луки Иовича и других можно проследить деятельность состоящей при Министерстве иностранных дел Комиссии по образованию в России южных славян, Славянского благотворительного комитета, Попечительства над славянскими учащимися (Оп. 4. Д. 422, 1545, 1093, 1547)⁴⁶. В личных делах студентов из Сирии и Палестины Спиридона Абуты, Искандера (Александра) Кезмы, Пантелеимона Жузе, Якова Хабиб-Ханани, Панайота Савабини и других немало интересных фактов, дополняющих историю отношений Русской Православной Церкви с Антиохийским и Палестинским Патриархатами (Оп. 4. Д. 1676, 1330, 4602, 3583)⁴⁷.

В некоторых личных делах студентов отсутствует даже «набор абитуриента» (иногда имеется расписка о выдаче этих документов на руки по какому-либо поводу, иногда нет). Некоторые же дела (особенно последних лет), напротив, содержат документы, связанные с окончанием Академии: диплом об окончании Академии, запрос с места предполагаемой службы, характеристика распределяемого. Есть личные дела монашествующих, содержащие документы, связанные с постригом, иногда — и с последующим рукоположением в священник сан, порой — только эти документы, и без указания мирского имени. Так, в личном деле Садковского (иеродиакон Игнатий, мирского имени нет) (Оп. 4. Д. 3591) лишь один документ — диплом об окончании Академии, выданный на монашеское имя, с указанием возраста (23 года) и происхождения (сын священника из Московской губернии). В личном деле Соловьева (монах Поликарп, мирского имени

⁴⁶ Ефрем Бойович окончил МДА в 1879 г. кандидатом-магистрантом; Стефан Иовичич — в 1894 г. со степенью кандидата; Светислав Давидович — в 1902 г. со степенью кандидата; Лука Иокич так и не окончил Академию.

⁴⁷ Первый сирийский посланец в МДА Спиридон Абуа окончил МДА в 1856 г. в звании действительного студента; Александр Кезма в 1883 г. стал сотрудником новоучрежденного Православного палестинского общества (ППО) в Святой Земле, уволился из МДА и вскоре стал одним из главных деятелей образовательной системы ППО в Палестине; Пантелеимон Жузе перешел в 1895 г. в КазДА, в дальнейшем стал известным историком-востоковедом, арабистом, знатоком ислама; Яков Хабиб-Ханани окончил Академию в 1895 г. со степенью кандидата богословия; Панайот Савабини — в 1897 г. в звании действительного студента.

нет) (Оп. 4. Д. 4107) — два документа: диплом об окончании МДА, выданный на монашеское имя (25 лет, сын священника из Рязанской губернии), и диаконская присяга кандидата богословия монаха Поликарпа. Аналогичны личные дела Марчнева (иеромонах Иоанн) (Оп. 4. Д. 2316), Мачуковского (иеродиакон Вениамин) (Оп. 4. Д. 2331) и некоторые другие. Конечно, в данных случаях установить имя, данное при крещении, несложно, проверив списки соответствующего курса (ибо постриг чаще всего принимали в академические годы, а не до поступления).

Несмотря на указанные пробелы и недостатки, личные дела и преподавателей, и студентов представляют большую ценность, часто являясь почти единственным источником наших знаний об этом периоде жизни интересующего нас человека.

К личным делам в ф. 229 примыкают *списки 1–77 академических курсов* (Оп. 4. Д. 4925–5001). Дело курса обычно содержит, кроме Ф.И.О. студента (или монашеского имени и фамилии для поступивших уже в монашеском звании, что встречается редко), сведения о том, какую семинарию окончил поступивший (или светское учебное заведение, если речь идет о периоде после 1911 г.), прислан для поступления семинарским Правлением или является волонтером (с 1911 г. поступали также лица из белого духовенства), результаты приемных испытаний, избранная специализация (или отделение в 1870–1884 гг., или группы предметов), выбранный для изучения новый иностранный язык, списки с оценками по всем предметам за все четыре курса, назначенные рецензенты для курсового (кандидатского) сочинения, долги духовному ведомству за казенное содержание (для «казеннокоштных»), номера академического диплома и прочих документов (метрической справки, свидетельства о правах личного почетного гражданства, свидетельства о воинской приписке), адрес местожительства (если студент жил на квартире в Посаде) и адрес, по которому следует выслать диплом (обычно родителей). Для белого духовенства, поступающего в Академию (согласно указу 1911 г.), в списке курса содержатся указания на храм, в котором служил священник, и данные о семье (жена, дети, их возраст). Иногда какие-либо данные из этого набора отсутствуют, особенно это касается последних лет (список 77 курса содержит лишь

Ф. И. О., даже без указания на оконченную семинарию). Несмотря на скудость сведений, в некоторых случаях эти курсовые списки очень ценны. Так, только из них можно узнать имена студентов последних трех наборов — 1916, 1917 и 1918 г. (Оп. 4. Д. 4999, 5000, 5001).

* * *

Таким образом, несмотря на то, что фонд 229 представляет собой лишь часть архива МДА и многие стороны деятельности Академии в нем освещены крайне фрагментарно, он представляет собой большую ценность. История МДА за все время пребывания Академии в Лавре хронологически «покрыта» тремя исследованиями: протоиерея Сергия Смирнова, диакона Александра Киселева и диакона Сергия Голубцова⁴⁸. Однако несмотря на добросовестность этих исследователей, требуется более подробное изучение всех документов, связанных с историей Академии. Монография протоиерея Сергия Смирнова написана современником происходящих событий и членом корпорации. Исследователь наших дней по-иному может оценить те или иные события, уловить связи и закономерности, которые не может видеть современник. Диссертационные исследования диаконов Александра Киселева и Сергия Голубцова не учитывают всей полноты архивных документов. Конечно, они дополняются последующими исследованиями протоиерея Сергия Голубцова и тематическими исследованиями других авторов. Но архивные источники остаются востребованными далеко не в полной мере.

Особенно востребованы документы фонда 229 в наши дни, когда, с одной стороны, история духовной школы является одним из доминирующих направлений в церковно-исторических исследованиях, с другой стороны, духовно-учебные преобразования требуют опоры на реальную традицию. Кроме того, в связи с подготовкой жизнеописаний новомучеников и исповедников особую важность имеют

⁴⁸ См.: Смирнов 1879; Киселев А., диак. История Московской Духовной Академии 1870—1900: В 3-х т. Дисс. ... канд. богосл. Загорск: МДА, 1974; Голубцов С., диак. История Московской духовной академии 1900—1919: в 3 т. Дисс. ... канд. богосл. СПб: МДА, 1977.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

биографические данные конкретных личностей, учившихся и преподававших в духовных школах, — эти сведения являются достоянием архивов духовных школ.

ЛИТЕРАТУРА

- Проект Устава ДУ 1814 — Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава Православных Духовных училищ // ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 32. СПб., 1830. № 25673.
- Титлинов 1909* — *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX веке: В 2 вып. Вып. 2: Протасовская эпоха и реформы 60-х годов. Вильно, 1909.
- Устав 1884 г. — Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты Православных Духовных академий // ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 4. СПб., 1887. № 2160.